

М.Д. Чертыкова

д.ф.н., Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова
Абакан, Республика Хакасия, Россия
(e-mail: chertikova@yandex.ru)

Хакасская лексема чүрек «сердце» и его лексические параллели в других тюркских языках

Аннотация

Статья посвящена функционально-семантическому и когнитивному описанию одного из ключевых и традиционных концептов «сердце», характеризующего эмоционально-ментальные переживания человека. Концепт «сердце» представляет собой широкую, развитую систему метафорических образов, в том числе и на фразеологическом уровне. В тюркских языках сердце чаще рассматривается как обиталище определенных чувств, настроений; источника храбрости, жизненной энергии и силы, трудолюбия; биологического и духовно-ментального центра человека. В сравнительно-сопоставительном анализе данного концепта обнаруживаются его общие, универсальные и специфические особенности, что является источником этнического своеобразия в мировидении и ощущении себя в этом мире родственных народов.

Ключевые слова: Концепт, лексема, сердце, хакасский язык, тюркские языки, образ, метафора.

M.D.Chertykova

Doctor of Science Philology, Khakass State University of N.F. Katanov
Abakan, Republic of Khakassia, Russia

Khakas Leksema Чүрек «Heart» and its Lexical Parallels in Other Turkic Languages

Abstract

The article is devoted to the functional-semantic and cognitive description of one of the key concepts and the traditional «heart», which characterizes the emotional and mental experiences of the person. The concept of «heart» is a broad system development of metaphorical images, including the phraseological level. At the heart of the Turkic languages it is increasingly seen as the abode of certain feelings, moods; source courage, vitality and strength, diligence; biological and spiritual-mental Rights Center. The relatively - comparative analysis of this concept found its general, universal and specific features, that is the source of ethnic identity in the vision of the world and feeling in this world of kindred peoples.

Keywords: Concept, token, heart, Khakas language, Turkic languages, image, metaphor

В когнитивной лингвистике одним из ключевых объектов исследования является концепт, смысловая общность которого обеспечивается его образными, понятийными и ментальными составляющими. Среди множества толкований концепта, его структуры и содержания, в данном исследовании в качестве рабочего мы принимаем определение В.В. Колесова: «Концепт – синтезирующее, лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в «снятом» редуцированном виде своего рода гипероним» [1, с. 122]. Исследование ключевых концептов различных этносов в сравнительном аспекте способствует выявлению национально-культурной идентичности, особенностей языковых средств, воплотивших ментально-исторический опыт этноса. Однако «в силу универсальности способов познания окружающего мира, содержание понятийного компонента у носителей разных языков будет иметь большое сходство. Кроме того, в целом ядерные компоненты разнокультурных концептов в большей степени совпадают, национальная же специфика проявляется на периферийных участках и в культурологическом компоненте концепта» [2, с. 60-64].

Концепт «сердце», символизирующий духовный и биологический центр человеческого бытия, занимает одно из основных мест в концептосфере любого народа и представляет собой двойственность природы человека. Особенность репрезентации данного концепта заключается в его антропологическом и психологическом характере, взаимоотношении человека с окружающим миром и антропоцентричностью языка.

С лингвистической точки зрения олицетворение сердца, как центра глубоких человеческих чувств, объясняется «широкой полисемией этого слова и непосредственным субъективным восприятием изменений в деятельности сердца при различных эмоциональных состояниях человека (например, увеличение или снижение частоты сердечных сокращений), в основе которых чаще всего лежат личностно-этические мотивы» [3, с. 74]. Подобное явление наблюдается и в тюркских языках, где среди прочих соматизмов сердце имеет наиболее развитую систему многозначности, а также является распространенным компонентом в структуре идиом, фразеологических единиц, которые в любом языке представляют богатое и разнообразное семантическое поле. В Кратком хакасско-русском фразеологическом словаре [далее – КХРФС] Т.Г.Боргояковой

содержится около 40 фразеологических единиц с компонентом чўрек «сердце». В двухтомном Татарско-русском словаре [2007] около 200 таких единиц. Помимо анатомического органа эти лексемы указывают на особенности характера, морально-волевые качества, психические состояния и переживания человека. В основе такой тенденции проявления образа сердца в языке лежит эгоцентричность человека, познающего окружающий мир через себя, на что указывала А.М. Эмирова: «Само человеческое тело является наиболее доступным и изученным объектом наблюдения человека с первых его жизненных шагов. Свою ориентацию в пространстве, свою оценку окружающего человеку «удобнее» соотносить, прежде всего, с частями своего тела» [4, с. 41]. Тем самым в языковом сознании человека присутствует представление о связи окружающего мира с внутренними органами, которые каким-либо образом реагируют на те или иные раздражители. Подобная связь обеспечивается физиологическими процессами, происходящими в организме человека в моменты переживания различных эмоций, поскольку «...вегетативная нервная система изменяет частоту сердцебиения, угнетает или усиливает перистальтику пищеварительного тракта, изменяет просвет кровеносных сосудов (человек бледнеет или краснеет от гнева или стыда), тормозит слюноотделение (у человека пересыхает во рту), расширяет зрачки, усиливает потоотделение и так далее [5, 680]. Вероятно, в такие моменты в сознании человека возникают физические ощущения или / и ассоциации связи эмоций с определенными внутренними органами.

Цель статьи – рассмотреть с функционально-семантических и когнитивных позиций проявление концепта чўрек «сердце» в хакасской языковой картине мира и выявление его универсальных и специфических особенностей в сравнении с аналогичной лексемой в других тюркских языках. Концепт «сердце», несмотря на неугасаемый исследовательский интерес лингвистов в силу своей яркости, многообразия и частотности проявления в языке, в тюркских языках пока еще остается недостаточно изученным в сравнительном и системно-когнитивно-семантическом аспекте. Вопросы, касающиеся лингвокультурной репрезентации данного концепта в отдельных тюркских языках, освещены в работах Р.Р.Даниловой [6], А.Н.Курванбакиевой [7], А.М.Николаевой [8], М.Д.Чертыковой [9] и мн. др. Также имеются работы сравнительно-сопоставительного характера по описанию межъязыковых соответствий фразеологизмов с соматическим компонентом: на материале чувашского, татарского,

башкирского и турецкого языков [10], на материале тюркских языков Сибири и казахском языке соматические фразеологизмы, характеризующие человека, описаны Е.В.Тюнтешевой [11] и др. Наша статья представляет собой попытку комплексно-обзорного рассмотрения в сравнительном аспекте тюркских лексем, большей частью, фразеологических единиц, входящих в тематическую концептосферу «сердце». Сравнительному семантико-когнитивному анализу подвергаются фразеологические эквиваленты с соматизмом «сердце» хакасского, алтайского, якутского, тофаларского, башкирского, татарского, казахского, киргизского, тувинского, уйгурского, турецкого языков. Фактическим материалом для анализа послужили словарные статьи анализируемой лексемы из лексикографических источников и иллюстративные тексты из хакасских художественных произведений.

Лексема чүрек «сердце», в соответствующих фонетических вариантах функционирует во всех тюркских языках, поскольку, как и многие соматические наименования, относится к общетюркскому лексическому фонду. Следует отметить, что в турецком языке присутствует разделение: арабское заимствование: *kalp* – для обозначения анатомического органа (сердца) и *yürek* – для ментально – психического органа, который локализуется в себе «более высокие и сложные чувства (интуиция, любовь и т.д.)» [12, с. 27]. В семантике хакасской лексемы чүрек, как и в других языках, при обозначении сердца, как анатомического органа, каких-либо семантических сдвигов не наблюдается. Хак.: Республикадағы имнег туразынзар чүрек сыныхтачаң наа аппараттар ағылғаннар – В республиканскую больницу привезли новые аппараты, которыми проверяют работу сердца. Рассматриваемая лексема в прямом значении используется обычно для выражения:

а) сердца, как анатомического органа: хак.: *кізі чүрегі* «сердце человека». *Чүрегі пір син тиң тоғынминыбысхан. Ол, піреде тохтап, сым полыбыс турған. Піреде, тоғына түзіп, миизіне тың тохлатхан, пазын саңай айландырған* (Чкч, 253) – [Его] сердце перестало работать равномерно. Иногда оно, замирало, переставая работать. Иногда, работая, стучало по мозгам, и от этого сильно кружилась голова;

б) здорового или больного состояния сердца: хак.: *пик* (хазых) чүрек «здоровое сердце»; башк.: *йөрәк ауырыуы* «болезнь сердца»; як.: *сурэх ыарыыта* «болезнь сердца», *сурэх ыарыылаах* «страдающий

болезнью сердца», сурэбэ хайдыбыт «инфаркт»; башк.: һау йөрәк «здоровое сердце»; тат.: йөрәк өянәге «сердечный приступ» и др.;

в) функциональных особенностей сердца: хак.: чүрек сабылызы «сердцебиение»; кирг.: жүрөгү араң эле согот «сердце у него едва бьется, сердце у него очень слабо бьется» [КРС, 2015: 305]; шор. чүрек шапканы «сердцебиение»; як.: сурэх тэбиитэ «биение сердца»; тув.: чүрек согары «сердцебиение»; каз.: жүрек дүрсілі «биение сердца; стук сердца», тат.: йөрәк эшчәнлеге «деятельность сердца» и др.;

г) в сложных словах со значением анатомических частей и каналов сердца: хак.: чүрек иди «сердечные мышцы», чүрек тамыры «артерия»; кирг.: жүрөк эти «сердечная мышца»; каз.: жүрек көк тамырлары «сосуды сердца»; башк.: йөрәк алды «предсердие»; тув. чүрек шыңганы «сердечная мышца»; як.: сурэх тышыра артерия «букв. сосуд сердца»; сурэх клапаннара «сердечные клапаны» и др. Как видим, здесь семантическая схема сложных слов в тюркских языках работает одинаково «сердце – обладатель + имя с аффиксом принадлежности».

Переносное значение лексемы чүрек возникло в результате метафорического переноса, т.е. тесной ассоциативной связи между анатомическим сердцем и переживаемыми человеком эмоциями. В Древнетюркском словаре слово *jüräk* «сердце» зафиксирован в переносном значении: *alp qolum erdäm jüräkim* мои богатырские руки, мое мужественное сердце (Е 44); *emdi jüräk jirtülur* сердце теперь разрывается (МК I 41); *sü başlar kör ęrgä jüräk kęd kęräk* мужу, возглавляющему войско, нужно сильное сердце (QВН 82) [ДТС, 1969: 286]. Если во многих современных тюркских языках сердце ассоциируется с такими эмоциями, как радость, печаль, восторг, уныние и т.д., то в древнетюркском языке данный термин был связан исключительно с мужественностью, храбростью, доблестью, героизмом, о чем говорит и семантика производных от *jüräk* лексем: \diamond *jüräk urun-* всецело отдаваться чему-л.: *edi artug ödrüm talu ęr kęräk ögi köñli jetsä urunsa jüräk* [для этого] нужен избранный, особенный муж, / у которого ум должен быть зрелым и который должен всецело отдаться [делу] [...] [ДТС, 1969: 286]; *jüräkkan-* проявлять отвагу, мужество: *ęr jüräkkanđi* мужчина проявил отвагу (МК III 115) [ДТС, 1969: 286]; *jüräklig* доблестный, отважный: *jüräklig ęr* доблестный муж (МК III 51); *it tisin kęnē oylan asınsar jüräklig bolur* если ребенок повесит на себя зуб собаки, он будет отважным (ТТ VII 23) [ДТС, 1969: 286]; *jüräksiz* несмелый, трусливый: *jüräklig jüräksizkä bolsa bası / jüräklig bolur ötrü tegmä kisi* если во главе трусливых людей станет отважный

[муж], тогда отважным будет каждый человек (QBN 156) [...] [ДТС, 1969: 286]. Толкование данного слова в «Дивану лугат ат-турк (свод тюркских слов)» Махмуда ал-Кашгари подтверждает это значение: йурак «сердце». Йураклик «храбрец с твердым сердцем (непоколебимый)» [Диван... 2005: 753]. В тюркских языках кыпчакской подгруппы сердце также ассоциируется со смелостью: каз.: жүректі адам «смелый; решительный; отважный человек; с огоньком» [КазРС: 213]; башк.: йөрәкле ирзәр «отважные мужи»; йөрәкле булыу «быть бесстрашным» [БРС, 1996: 237]; кирг.: баатырдын көркү жүрөктө фольк. украшение богатыря – сердце (т.е. храбрость). Киргизская лексема жүрөк выражает значение смелость в сочетании с майлуу «жирный»: жүрөгүндө кара жок, баары да май он – настоящий богатырь (букв. у него на сердце нет темного пятнышка, всё – жир; считается, что сердце настоящего богатыря должно быть сплошь покрыто жиром); [...] жүрөгү майсыз трус (сердце его без жира) [КРС, 2015: 305]. Отметим, что в некоторых языках рассматриваемая лексема с аффиксом обладания употребляется как самостоятельная единица, характеризующая человека, как смелого, отважного, например: тат.: йөрәкле «смелый, отважный, басстрашный, храбрый» [ТРС, 1988: 125]; башк.: йөрәкле «отважный, бесстрашный»; каз.: жүректі «смелый; смельчак; отважный; мужественный», тат.: йөрәкле «1) смелый, доблестный, отважный, храбрый [...]; 2) страстный, энергичный [...]; 3) сердечный; жалостливый, участливый» [ТРС, 1988: 125]; Видимо, деконструкция концепта «сердце», включенного в образ смелого, отважного, доблестного тюрка исходит из понимания сердца как источника жизненной энергии и силы. Исследователи метафору со смелостью считают праязыковой; с другой стороны, «... остальные развитие семантики (доброта, усердие) явно под влиянием соседних не-тюркских языков» [13, с. 276].

В целом, общая картина по данной лексеме представлена в Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков: «[...]1.2. а) Сердце – во всех источниках, кроме IbnM, TS; живот – гаг., желудок – TS, желчный пузырь – IbnM; б) метоним. (душа, смелость, мужество) – все исторические источники (см. EDT 966, sub yürekli), тур., гаг., аз., турк., хал., кар., кум., тат., башк., ног., ккалп., каз., кирг., алт., узб., уйг., хак., тув.; в) метон. (гнев) – кар.; г) метоним. (усердие) – тув., як.; д) метоним. (рассудок) – тув.; е) метоним. (доброта) – чув. Метонимические значения проявляются в основном в производных: jürek-lig «храбрый» (но як. sürexte:x «усердный», чув. čërellë «добрый,

отзывчивый»), jürek-le «становиться храбрым» [13, с. 276]. Как видим, в тюркских языках сердце, помимо смелости и храбрости, может ассоциироваться и с другими качествами характера человека, например, як.: сурэхтээх «трудолюбивый, усердный, прилежный; сүрэхтээх киһи трудолюбивый человек; сурэхтээх үлэһит усердный работник; сурэбэ суох лентяй; сүрэхтээх киһи сүгүн буолбат погов. трудолюбивый человек зря время не проводит; сүрэбэ суох субэлээх посл. лентяй смекалист на отговорки» [ЯРС, 1972: 351]. В основе выражения такого значения лежит представление сердца как источника силы, энергии, о чем свидетельствует переносное значение сурэх «энергия, старание, жажда деятельности; сүрэбэ бэрт деятельный, трудолюбивый». С якутским понятием «трудолюбие» имеет смысловую связь или метонимическое выражение тоф.: чүректіг «перен. прилежный».

Абдурашитова Ш.Б. пишет: «Если в русском языке сердце имеет соотнесенность с раздражением, гневом (сказать с сердцем – «сердито», в сердцах – «рассердившись», сорвать сердце на ком-нибудь – «излить свою злобу» [14, с. 713]), то в крымскотатарском языке сердце ассоциируется с решительностью: юрек – 1. сердце; 2. смелость [4, с. 387]; юрекли – 1. имеющий сердце, с сердцем; 2. смелый, храбрый [4, с. 389]. Например: Велининь джесюрлиги онья да бираз юрек берди (Ч.А.) Метонимическое значение исследуемой лексемы – «смелость, мужество» присутствует и в исторических источниках, проявляясь в основном в производных jürek-lig «храбрый», jürek-le- «становиться храбрым» [14, с. 276].

Присоединение к лексеме jüräk / жүрек / жүрөк / йөрэк / сурэх аффикса обладания и присутствия у кого-чего-л. какого-л. объекта -lig (-лик; -ле; -ті; -те:х) соответствует древнетюркской традиции образования лексем, характеризующих человека. Однако А.Р.Рахимова, ссылаясь на положения М.З. Закиева и Ф.А. Ганиева, пишет: «В одних случаях они выступают как словообразовательные средства, в других – как грамматические суффиксы. Например, көчле кеше «сильный человек» и ярлыларны атлы итү «сделать так, чтобы бедняки имели лошадь», урынсыз сүзлэр «неуместные слова» и атсыз калу «остаться без лошади» и т. д. [3, с. 179]» [15, с. 154]. В хакасском же языке аффикс обладания -лыг / -ліг (-тыг / -тіг; -ныг / -ніг) также имеет полифункциональный характер: в некоторых случаях лексикализуется в самостоятельную номинатему: ипчіліг «женатый; букв. с женщиной», үгреділіг «образованный; букв. с образованием»,

тілліг «языкастый, болтливый; букв. с языком», сағыстығ «умный; букв. с мыслями» и др.; в других случаях активно применяется в качестве аффикса обладания: көнектіг «с ведром», чистектіг «с ягодой», салаалығ «ветвистый» и др. В случае с лексемой чүректіг «с сердцем» аффикс -тіг выполняет грамматическую функцию и включается в категорию отношения обладания и принадлежности, сочетаясь с характеризующим субъекта именем, тем самым предстает стержневым компонентом фразеологической единицы: чабал чүректіг «злой, плохой; букв. с плохим сердцем»; чағбан чүректіг «доброжелательный, отзывчивый; букв. с постным сердцем»; нымзах чүректіг «мягкий, доброжелательный; букв. с мягким сердцем»; хатығ чүректіг «черствый, жестокосердный; букв. с твердым сердцем» и т.д. Сірер аны чахсы кізее санидырзар, чахсы чүректіг, сағыстығ, кізее ачынчах тидірзер. Ам көр көрербістер, хайдағдыр аның чүрегі, айир ба сірерні (Хл, 89) – Вы его считаете хорошим человеком, говорите, что он с добрым (букв. хорошим) сердцем, умный, доброжелательный. Сейчас посмотрим, какое у него сердце, будет ли жалеть вас.

В роли определяющего субстантива могут выступать также названия животных и зверей (зооморфизмы), при этом субъекту присваивается характерные для конкретных животных и зверей качества: аба чүректіг «сильный, крепкий; букв. с медвежьим сердцем»; тұлғу чүректіг «хитрый, готовый обмануть; букв. с лисьим сердцем»; хозан чүректіг «трусливый; букв. с заячьим сердцем» и др. Аналогичные ситуации имеются и в других тюркских языках, например, башк.: куян йөрәк «трусливый; заячья душа». Такие фразеологические сочетания используются исключительно для экспрессивно-образной, оценочной характеристики индивида. Но в семантической структуре некоторых фразеологических единиц существуют расхождения, например, при сочетании исследуемой лексемы с существительным тас «камень»: хак.: тас чүректіг «немилосердный, жестокий; букв. с каменным сердцем», тат.: йөрәк таш булып кату «1) окаменеть (о сердце); 2) ожесточиться, стать суровым, безжалостным; 3) утратить способность к проявлению каких-л. чувств от сильного горя (потрясения)» [с. 2050]. Но в киргизском языке: жүрөгү таш или таш жүрөк «непреклонный»: билеги жоон, таш жүрөк, атасынан бабасы пил мүчөлүү бадирек фольк. непреклонный, от отца и деда слоновьего сложения храбрец [КРС, 2015, с. 305].

Метафорическое отсутствие сердца у человека в тюркских языках также носит характеризующий субъекта признак, однако трактуется

неоднозначно. В сибирских тюркских языках, возможно, семантика такой формулировки развивается по русскому сценарию, т.е. человек без сердца понимается как жестокий, злобный, ср.: бессердечный: хак.: чүрек чох «бессердечный, жестокий; букв. без сердца». Андаг айна кізі полған. Чүрегі чох (Г.Каз.) – Такой плохой был человек. Бессердечный [КХРФС, 1996: 139]; алт.: жүрек жок «бессердечный» и др., однако в тоф.: чүрээ чок «ленивый» и як.: сүрэбэ суох «ленивый» представляет собой бинарную оппозицию обладанию сердцем, выражающего понятие «трудолюбивый, энергичный». В кыпчакских тюркских языках отсутствие сердца обычно понимается как трусость, боязливость, что также включается в противоречие с метафорическим пониманием обладания сердцем, как смелого, отважного, напр., кирг.: жүрөксүз «нехрабрый, несмелый, трусливый». Однако помимо такого значения наблюдается и расширение выражения отрицательных характеристик: башк.: йөрәкһез «1) боязливый, трусливый, робкий, нерешительный; йөрәкһез булмау не быть боязливым; 2) жестокий, бессердечный» [БРС, 1996: 237]; тат.: йөрәксез «1) трусливый, боязливый; малодушный, нерешительный, робкий; 2) равнодушный, бесстрастный; йөрәксез егет бесстрастный парень; 3) жестокий, бессердечный; йөрәксез фашист палачлары жестокие фашистские палачи» [ТРС2, 2007: 2052]; каз.: жүрексіз «бессердечный; трусливый; несмелый; грубый; тупой; без сердца» [КазРС: 213] и др. Предполагаем, что вариант «бессердечный, жестокий» значения в этих языках возник не без влияния русского языка.

Далее. В языковом сознании носителей языка сердце часто воспринимается не как анатомический орган, а как местонахождение приятных или негативных эмоций, и которое может наполняться ими или же иметь дно, где могут оседать самые устойчивые, долговременные эмоции и страсти, напр., каз.: жүрегін шаттық кернеді «сердце наполнилось радостью», жүрегінің терең түкпірінде «в глубине души» [КазРС: 213]. Сердце может восприниматься не только как обиталище глубоких внутренних чувств, но олицетворять весь внутренний мир человека, что можно проиллюстрировать на примере хакасского языка: Чүреемде порчолар чарылар үчүн, хоостап пир мағаа мелей, хынғаным (Чкч, 159) – Чтоб в моем сердце расцвели цветы, сшей мне рукавицы, [моя] любимая. Арғабысха сидіктер артылза даа, чүректе чахсаа ползын ізеніс (Г. Кичеев) – Если даже трудности будут ложиться на наши плечи, пусть в сердце всегда будет надежда. В целом, ассоциативно-образное представление сердца, как

местонахождения каких-либо объектов, в языковом выражении мотивируется наименованиями:

эмоций, как отрицательных, так и положительных: ағырсыныс «боль, горечь», ачырғас «тоска, раскаяние», хомзыныс «печаль, обида», хыныс «любовь», көөрес «вдохновенье», ачыныс «жалость» и др.;

местностей (чаще, связанных с понятием «родина, родная земля»): төреен чир «родная земля», төреен аалычаам «[моя] родная деревня», тағларым «[мои] горы», суучаам «[моя] река», ибiм «[мой] родной дом», школам «[моя] школа» и т.д.;

близких, родных, любимых людей: iчем «[моя] мама», хынғаным «[мой] любимый человек», чағын кiзi «близкий человек», палам «[мой] ребенок» и т.д.

также слова со значениями, возникшими в результате метафорического или метонимического переноса, и олицетворяющие воспоминания о каком-либо событии, жизненном опыте и / или символизирующие определенные чувства, напр., ома «чей-л. образ», сөстер «слова», тас «камень», көрiс «взгляд», хазың «береза», чайғы «лето», хатхырыс «смех» и т.д.

Все перечисленные субстанции в сердце носят (ал чөр-«носить»), хранятся (тут- «держат»), берегутся (хайралал-«беречься»), лежат (чат- «лежать»). Обычно повествование о нахождении чего-л. в сердце ведется от первого лица, поскольку это глубоко личное ощущение. Нельзя сказать: Ол чүреенде хынғанының омазын хайраллапча – Он в сердце хранит образ любимого человека или Син чүреенде хынғанының омазын хайраллапчазың – Ты хранишь в сердце образ любимого человека. Более органично будет: Мин чүреемде хынғанымның омазын хайраллапчам – Я берегу в сердце образ любимого человека. В каз.: Жүрегімізде мәңгі сактаймыз «вечно сохраним в сердцах» [КазРС: 306]. Из этого следует, что хранение в сердце тех или иных явлений подразумевает не только любовь и хорошее расположение к объекту, но и память о нем, т.е. носить в сердце значит помнить. Тем самым сердце – вместилище чувств – взаимодействует с сердцем – памятью. Участие слова «сердце» во фразеологических единицах, репрезентирующих мыслительную деятельность (память) активно и в других языках. И.А. Темиркаева подобные татарские фразеологизмы относит к группе фразеологизмов со значением рациональной памяти: «йөрәк түрендә йөртү (саклау) «всё ещё помнить, не забыть»; йөрәген я улап алу,

йөрәктә тоту, истә тоту «остаться в сердце (запомнить)», йөрәктән чыгару, оныту «уйти из сердца (забыть)», йөрәктә саклау «прийти в сердце (вспомнить)», йөрәккә якын алу «принимать близко к сердцу» [16]. Таким образом, сердце может выступать вместилищем не только чувств, но и памяти. А.Н.Курванбакиева утверждает, что в уйгурском языке «жүрәк (сердце) во фразеологизмах родственно по значению слову голова, т.е. обозначает «помнить», «думать»: жүрәк кетида саклимақ «буду помнить в сердце»; жүрәкләрдә өчмәс дағ болуп орналашмақ «помнить о чем-то пережитом» [7, с. 69]. Об этом пишут и исследователи других языков, например, в арчинском языке «иклмаш хъелс «забыть» (букв. «уйти из сердца»), иклмис экас «вспомнить» (букв. «упасть в сердце») и др. В английском же языке с сердцем связывается интуитивное мышление. В отличие от английского языка, для арчинского национально-специфическим следует считать и то, что для обозначения переживаний, помимо компонента «сердце», используются и некоторые глаголы интеллектуальной деятельности: икIв аргъас «переживать, беспокоиться о ком-либо» (букв. «сердце думать»)» [17, с. 10].

В некоторых тюркских языках компонент сердце участвует в выражении значения «тошнить»: як.: сүрәҗим өлөхсүнәр (или чаалыйар) «меня тошнит, мутит»; сүрәҗик умайар (или өрү- күйәр) «я чувствую тошпоту» [ЯРС, 1972: 351]; каз.: жүрөгүм айланып турат «меня тошнит»; жүрөк айландыргыч түрдө «тошнотворно»; жүрегі айныды «его затошнило» [КазРС: 213]. Но в хакасском языке в таких выражениях вместо чүрек используется көңнi ([его] душа) с аффиксом принадлежности 3 л. «желание, душа, настроение»: көңнiм айланча «меня тошнит; букв. [моя] душа крутится», көңнiм пулгалча «меня тошнит; букв. [моя] душа перемешивается (взбалтывается)».

Как известно, в хакасской языковой картине мира «с сердцем ассоциируются самые разные эмоции и переживания (страдание, любовь, тоска, радость и др.). Связь других внутренних органов и эмоций более избирательна: с легкими ассоциируются злость и раздражение, с нутром – злость и зависть, с печенью – страдание, сострадание, тоска» [18, с. 200]. Однако лексемы көңнi «[его] душа, настроение, желание», паар «печень» часто употребляются как синонимы к чүрек «сердце» или как взаимосвязанные элементы, они обогащают смысловую структуру сложного слова: «паар – чүрек собир. лёгкое, сердце, печень; ливер; осердьё; хойның паары – чүрее осердьё овцы; паар – чүректен иткен пүректер; паар – чүрее соох кизи

чёрствый, бессердечный человек (букв. печень – сердце его – холодный человек); паары – чўрее чағын кизилер родственники (букв. печень – сердце его близкие люди)» [ХРС, 2006: 334]. Мин дее синзер матап көрчем, паар-чўреемни айабин (Чкч, 286) – И я тоже смотрю на тебя, не жалея [своего] сердца-печени. О паары – чўреемей! Миниң көглееними, Муклай, прайзы көрче, хайди чобалчатханымны пирдеези көрбес (П, 114) – О [мое] печень-сердце! Муклай все видят, как я пою, но никто не увидит, как я горюю.

Также использование данного сложного слова можно встретить в традиционном стихотворно-песенном жанре – тахпахе:

Ниме тиңнезер іче чўреенең,
Сын іченің аллығ чўреенең?
Ниме тиңнезер іче паарынаң,
Матыр іче нымзах паарынаң (А.Майтакова)
Что сравнится с материнским сердцем,
С широким сердцем настоящей матери?
Что сравнится с печенью матери,
С доброй (букв. мягкой) печенью героической матери?

Подобное структурно – семантическое целое этих двух лексем «сердце» и «печень» встречается и в других тюркских языках, например, башк.: йөрәк – бауыр «собир. 1) печень и сердце (животного); перен. душа (внутренний психический мир человека) ◇ йөрәк – бауырға инеп барыу проявлять нежность, быть ласковым, войти в душу» [БРС, 1996: 237]. В якутском языке сүрэх-быар представляет сложное слово и выражает образное значение «душа; состояние духа»: сүрэх-быар аалыыта «камень на сердце (букв. источник сердца и печени)»; (киһи) сурэ- ҕин-быарыи ортотунаи (киирэр) (человек) по сердцу, по душе; сурэххэ-быарга бы- хахтаммыкка дылы как ножом по сердцу (букв. как ножом по сердцу и печени) [...] [ЯРС, 1972: 351]. В уйгурском языке «наряду с рассматриваемым компонентом по значению являются синонимичными такие слова, как: беғир (печень) и өпкэ (легкие), которые обозначают то же значение: жүрәк-бағрини көйдүрмәк — «испытание каких-либо сильных чувств: переживать, сильно волноваться; радоваться»; өпкидәп жиғлимақ — «сильно плакать»; өпкилирини бесиң! — «успокойтесь, не плачьте! Интересным является то, что хотя компоненты сердце, печень, легкие обозначают одно и то же во фразеологизмах, взаимозамены не допускают, например, нельзя в идиоме өпкиси ағзиға тикилмақ (тиқилип қалмақ) — «задышаться,

сильно переживать» слово өпкиси заменить словом жүрэк, что приведет к разложению идиомы» [7, с. 70].

Таким образом, концепт «сердце» в тюркских языках, как и во всех языках, является ключевым, символизируя биологический и эмоционально-ментально-духовный центр человека. Семантика центра распространяется и на топонимические отношения, эксплицируя определенное место, воспринимаемое как дорогое и широко значимое для определенного народа, напр.: тув.: Москва – бистиң Төрээн чуртувустуң чүрээ – Москва – сердце нашей Родины [РТС, 2015: 529]; як.: Москва – биһиги дойдубут (тэбэр) сурэбэ – Москва – сердце нашей страны [ЯРС, 1972: 351] и др. Однако в хакасском языке столицу не принято называть «сердцем», а предпочтение отдается слову кін «центр»: Москва – пістің Чир-Суубыстың кіні – Москва столица [букв. центр] нашей Родины. Однако по отношению к районному центру, где компактно проживают хакасы, вполне допустима фраза: Асхыс – Хакасияның чүрөө – Аскиз – сердце Хакасии.

В тюркских языках концепт «сердце» имеет определенную совокупность представлений человека об окружающем мире. В данной статье отмечена лишь небольшая часть развитой системы образов: обиталища определенных чувств, настроений; источника храбрости, жизненной энергии и силы, трудолюбия; биологического и духовно-ментального центра человека. Подобная универсальная репрезентация образа – концепта «сердце» подчеркивает одинаковую систему мышления, представлений и мировидения родственных народов, однако при этом каждый язык отражает этнические особенности и характер мировидения его носителей.

Условные обозначения принятых сокращений

алт. – алтайский; башк. – башкирский; др.т. – древнетюркский; каз. – казахский; кирг. – киргизский; тат. – татарский; тоф. – тофаларский; тув. – тувинский; хак. – хакасский; як. – якутский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.
2. Драчёва С.И. Экспериментальное исследование вербального содержания этнической концептуальной системы // Текст: структура и функционирование. Вып. 2. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 60-64.
3. Кравченко О.Н., Субботина И.М. Соматизм «сердце» в составе фразеологических единиц с позиции антропоцентрического подхода

- (на материале английского и русского языков) // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 20 (191). Выпуск 23. С. 74-78.
4. Эмирова А.М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии: Учебное пособие для студентов университетов. Самарканд: Изд-во Сам.ГУ, 1972. 97 с.
 5. Физиология. Основы и функциональные системы. Курс лекций. Под ред. К. В. Судакова. М., 2000. – 784 с.
 6. Данилова Р.Р. Концепт ЙӨРӘК «сердце» в татарской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. н., специальность: 10.02.02. Казань. 2009.
 7. Курванбакиева А.Н. Основы идеографического описания соматических фразеологизмов уйгурского языка (на материале романа З.Сәмәди «Истәк вә қисмәт») // КазҰУ хабаршысы. Шығыстану сериясы/ Вестник КазНУ. Серия востоковедения № 1 (54), 2011. С. 67-70
 8. Николаева А.М. Метафоры состояния души человека в якутском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 6 (260). Филология. Искусствоведение. Вып. 64. С. 90-93.
 9. Чертыкова М.Д. Глаголы со значением эмоции в хакасском языке: парадигматика и синтагматика. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2015. –160 с.
 10. Якимова Н.И. Соматические фразеологические единицы чувашского языка (опыт сравнительно-сопоставительного исследования с татарским, башкирским, турецким языками): автореф. канд. филол. н.: 10.02.20. Чебоксары. 2007.
 11. Тюттешева Е.В. Человек и его мир в зеркале фразеологии (на мат-ле тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). Новосибирск, 2006. – 225 с.
 12. Букулова М.Г. Соматическая фразеология тюркских языков: автореф. ... канд. филол. н. Специальность: 10.02.02. М., 2006.
 13. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. Авт. Р.Тенишев, Г.Ф.Благова, И.Г.Добродомов, А.В.Дыбо, И.В.Кормушин, Л.С.Левитская, О.А.Мудрак, К.М.Мусаев. М.: Наука, 2001. – 822 с.
 14. Абдурашитова Ш.Б. Репрезентация концептов внутреннего мира человека (на материале крымско-татарского языка) // <http://ilmiyqirim.blogspot.com/2012/05/blog-post.html> [13.04.2018].
 15. Рахимова А.Р. Аффиксальный способ образования тюркских лексем, характеризующих человека // Ученые записки Казанского университета. Том. 155, кн. 5. Гуманитарные науки. 2013. С. 152-165.
 16. Темиркаева И.А. Концепты, характеризующие интеллектуальный и нравственный мир человека в английском и тюркских языках // http://kazgik.ru/kcontent/main/conference_competition/electronic_conferences/materiali_2015_05/3/3_8.pdf [12.04.2018]

17. Самедов М.Д. Фразеологические единицы, обозначающие эмоциональные и интеллектуальные состояния человека в английском и арчинском языках: автореф. ... канд. филол. н.: 10.02.20. Махачкала. 2006. – 26 с.
18. Чертыкова М.Д. Эмотивные фразеосочетания с соматизмами в хакасской языковой картине мира. – Филологические науки: Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал (Тамбов). – 2014. – №3 (33). Часть II. – С. 195-200.

REFERENCES

1. Kolesov V.V. *Filosofiya russkogo slova*. [The philosophy of the Russian word] SPb.: YUNA, 2002. – 448 s.
2. Drachyova S.I. *Experimental'noe issledovanie verbal'nogo sodержaniya ehnicheskoj konceptual'noj sistemy* [Experimental study of the verbal content of an ethnic conceptual system] // *Tekst: struktura i funkcionirovanie*. Vyp. 2. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1997. S. 60-64.
3. Kravchenko O.N., Subbotina I.M. *Somatizm «serdce» v sostave frazeologicheskikh edinic s pozicii antropocentricheskogo podhoda (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov)* [Somatism "heart" in the composition of the phraseological units with the position of the anthropocentric approach (on the material of English and Russian languages)] // *Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2014. № 20 (191). Vypusk 23. S. 74-78.
4. Emirova A.M. *Nekotorye aktual'nye voprosy sovremennoj russkoj frazeologii* [Some topical issues of modern Russian phraseology]: *Uchebnoe posobie dlya studentov universitetov*. Samarkand: Izd-vo Sam.GU, 1972. 97 s.
5. *Fiziologiya. Osnovy i funkcional'nye sistemy* [Physiology. Fundamentals and functional systems]. Kurs lekcij. Pod red. K. V. Sudakova. M., 2000. – 784 s.
6. Danilova R.R. *Koncept ЙӨРӨК «serdce» v tatarskoj yazykovoj kartine mira* [The concept ЙӨРӨК "heart" in the Tatar language picture of the world]: *avtoref. dis. ... kand. filol. n., special'nost': 10.02.02. Kazan'*. 2009.
7. Kurvanbakieva A.N. *Osnovy ideograficheskogo opisaniya somaticheskikh frazeologizmov uigurskogo yazyka (na materiale romana Z.Səmədi «İstək və kismət»)* [The basics of ideographic description of somatic phraseological units of the Uighur language (on the material of the novel Z.Səmədi «İstək və kismət»)] // *KazYU habarshisy. Shyrystanu seriyasy / Vestnik KazNU. Seriya vostokovedeniya* № 1 (54), 2011. S. 67-70
8. Nikolaeva A.M. *Metaforı sostoyaniya dushi cheloveka v yakutskom yazyke* [Metaphors state of the human soul in the Yakut language] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. № 6 (260). *Filologiya. Iskusstvovedenie*. Vyp. 64. S. 90-93.
9. Chertykova M.D. *Glagoly so znacheniem ehmcııı v hakasskom yazyke: paradigmatika i sintagmatika* [Verbs with emotion value in the Khakass

- language: paradigmatic and syntagmatic]. Abakan: Izdatel'stvo FGBOU VPO «Hakasskij gosudarstvennyj universitet im. N.F. Katanova», 2015. – 160 s.
10. Yakimova N.I. Somaticheskie frazeologicheskie edinicy chuvashskogo yazyka (opyt sravnitel'no-sopostavitel'nogo issledovaniya s tatarskim, bashkirskim, tureckim yazykami) [Somatic phraseological units of the Chuvash language (experience of comparative study Tatar, Bashkir, Turkish)]; avtoref. kand. filol. n.: 10.02.20. Cheboksary. 2007.
 11. Tyuntesheva E.V. Chelovek i ego mir v zerkale frazeologii (na mat-le tyurkskih yazykov Sibiri, kazahskogo i kirgizskogo) [The man and his world in the mirror phraseology (on mat le Turkic languages of Siberia, Kazakh and Kyrgyz)]. Novosibirsk, 2006. – 225 s.
 12. Bukulova M.G. Somaticheskaya frazeologiya tyurkskih yazykov [Somatic phraseology of the Turkic languages]: avtoref. ... kand. filol. n. Special'nost': 10.02.02. M., 2006.
 13. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Leksika [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]: 2-e izd., dop. Avtory: E.H.R.Tenishev, G.F.Blagova, I.G.Dobrodomov, A.V.Dybo, I.V.Kormushin, L.S.Levitskaya, O.A.Mudrak, K.M.Musaev. M.: Nauka, 2001. – 822 s.
 14. Abdurashitova Sh.B. Rezentatsiya konceptov vnutrennego mira cheloveka (na materiale krymsko-tatarskogo yazyka) [Representation of the concepts of man's inner world (on a material of Crimean Tatar language)] // <http://ilmiyqirim.blogspot.com/2012/05/blog-post.html> [data obracheniya: 13.04.2018].
 15. Rahimova A.R. Affiksial'nyj sposob obrazovaniya tyurkskih leksem, harakterizuyushchih cheloveka [Affixal method of formation of the Turkic tokens that characterize human] // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Tom. 155, kn. 5. Gumanitarnye nauki. 2013. S. 152-165.
 16. Temirkaeva I.A. Koncepty, harakterizuyushchie intellektual'nyj i нравstvennyj mir cheloveka v anglijskom i tyurkskih yazykah [Concepts that characterize the intellectual and moral world of man in the English and Turkish languages] // http://kazgik.ru/kcontent/main/conference_competition/electronic_conferences/materiali_2015_05/3/3_8.pdf [data obrashcheniya: 12.04.2018]
 17. Samedov M.D. Frazeologicheskie edinicy, oboznachayushchie ehmocional'nye i intellektual'nye sostoyaniya cheloveka v anglijskom i archinskom yazykah [Phraseological units designating emotional and intellectual state of the person in English and Archi]: avtoref. ... kand. filol. n.: 10.02.20. Mahachkala. 2006. – 26 s.
 18. Chertykova M.D. Emotivnye frazeosochetaniya s somatizmami v hakasskoj yazykovej kartine mira [Emotive frazeosochetaniya with somatism in Khakass language picture of the world]. – Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki. Nauchno-teoreticheskij i prikladnoj zhurnal (Tambov). – 2014. – №3 (33). CHast' II. – S. 195-200.

Список лексикографических источников

БРС – Башкирско-русский словарь: 32000 слов / Российская академия наук. Уфимский научный центр. Академия наук Республики Башкортостан; под ред. З.Г.Ураксина – М.: Дигора, Рус.яз., 1996. 884 с.

ДТС – Древнетюркский словарь. Редакторы В.М.Наделяев, Д.М.Насилов, Э.Р.Тенишев, А.М.Щербак. Ленинград: Изд. «Наука». Ленинградское отделение. 1969. – 676 с.

КазРС – Калдыбай Бектаев. Казахско-русский словарь. Онлайн – версия: <http://bookfi.net/book/586995>

КРС – Кыргызско-русский словарь: 40 000 слов / под ред. К.К.Юдахина. Изд. 4-ое. Б.: «Улуу Тоолор», 2015. – 1092 с.

КХРФС – Боргоякова Т.Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Учебное пособие. – Абакан: Издво ХГУ им. Н.Ф.Катанова. 1996. – 144 с.

РАС – Русско-алтайский словарь. В 2-х томах. Том II (П–Я); БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2015. – 800 с.

РТС – Русско – тувинский словарь: 32 000 слов / М.Д. Биче – оол, А.К. Делгер – оол, А.Ч. Кунаа и др. Под ред. Д.А.Монгуша. – Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2015, – 664 с.

Махмуд ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк». Перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой. Индексы составлены Р.Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с. + 2 с. вкл.

ТРС – Татарско-русский словарь: ок. 25 000 слов. Под редакцией профессора Ф.А.Ганиева. Казань: Татарское книжное издательство. 1988. 461 с.

ТРС2 – Татарско-русский словарь в 2 томах. 56000 слов, 7400 фразеологических выражений. Кол. авт.: Ф.А. Ганиев, М.З. Закиев, Ш.Н. Асылгареев, Д.Б.Рамазанова. Казань: Магариф, 2007.

СТРИРТ – Рассадин В.И. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский: учебное пособие для уч-хся ср. школ. СПб: Изд-во «Дрофа» Санкт-Петербург», 2005. – 295 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / О. П. Анжиганова, Н.А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, М. Д. Чертыкова и др. Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

ШРиРШС – Курпешко – Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово: Кемеровское книжное издательство. 1993. 153 с.

ЯРС – Якутско-русский словарь. 25 300 слов. Под ред. П.А.Слепцова. М.: Изд-во «Советская энциклопедия». 1972. 568 с.

Список источников иллюстративного материала

Кильчичаков М.Е., Шулбаева В.Г., Митхас Туран, Котожеков Г.Г. Пьесалар. «Всходы»: сборник пьес. – Абакан: Хак. издат., 1991. – 264 с.

Кирбижекова У.Н., Коков И.Ф. Хакасская литература для 4 класса. Абакан: Хакасское от-е Красноярского кН. изд-ва. 1977. 139 с.

Чарых күннig чирим. Солнечный мой край. Сборник художественных произведений хакасских авторов. На хакасском языке / Сост. А.Е.Султреков, Л.В.Челтыгмашева, Н.С.Майнагашева. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2007. – 348 с.

Аңдатпа

Мақала адамның эмоционалды және психикалық тәжірибесін сипаттайтын «жүрек» ұғымының негізгі және дәстүрлі тұжырымдамаларының функционалды-семантикалық және когнитивті сипаттамасын танытуға, зерделеуге арналған. «Жүрек» ұғымы метафоралық бейнелердің, оның ішінде фразеологиялық деңгейде кең дамыған жүйе болып табылады. Түркі тілдерінде жүрек - белгілі бір сезім мен көңіл-күйдің орны; батылдық, өмірлік күш пен күш-жігер көзі; адамның биологиялық және рухани-психикалық орталығы ретінде жиі қарастырылады. Осы тұжырымдаманың салыстырмалы талдауында туыстас халықтардағы осы дүниетанымдық көзқараста және өзіндік сезімде этникалық сәйкестік көзі болып табылатын оның ортақ, әмбебап және нақты ерекшеліктері көрсетіледі.

Кілт сөздер: Концепт, лексема, жүрек, метафора, хакас тілі, түркі тілдері.

(Чертыкова М. Хакас тіліндегі жүрек сөзі және оның өзге түркі тілдеріндегі баламасы)

Özet

Makalede, bir insanın duygusal ve zihinsel deneyimlerini karakterize eden "yürek" (kalp) kavramının işlevsel-anlamsal ve bilişsel tanımı ele alınmaktadır. "Yürek" kavramı, deyim düzeyi de dahil olmak üzere geniş, gelişmiş bir metaforik bir görüntü sistemidir. Türk lehçelerinde yürek, belirli duygu ve hislerin yeri, cesaret, canlılık ve güç, kaynağı ve daha çok insanın biyolojik ve ruhsal-zihinsel merkezi olarak görülmektedir. Çalışmada, Hakas Türkçesindeki yürek kavramı diğer Türk lehçeleri ile karşılaştırılarak Türk halkları arasında dünya görüşünün ve duygularının etnik kimliğini kaynağı olan evrensel ve somut özelliklerinin ortaya konulduğu sonucuna varılmaktadır.

Anahtar kelimeler: Kavram, leksem (sözcük birim), yürek, metafor, Hakas Türkçesi, Türk lehçeleri

(Çertıkova M., Hakas Türkçesindeki Yürek Sözcüğü ve Diğer Türk Lehçelerindeki Sözcüksel Paralellikler)